

Глеб Иванович Успенский

Крестьянские женщины

Глеб Иванович Успенский
Крестьянские женщины
Серия «Мельком», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666305

Аннотация

Статья Успенского содержит критику народнических теорий о «сближении с народом», проектов «жить трудами рук своих», для чего интеллигенту надлежало «опроститься» и принять образ жизни крестьянина. Во всех этих надуманных «теориях» женщине отводилась только роль матери, которая должна рожать и кормить детей. Успенский требует прежде всего отношения к женщине как к человеку и рядом примеров, почерпнутых из печати и из личных наблюдений, показывает, насколько значительна роль женщины в крестьянском быту, раскрывает большие возможности женщины как умного работника и организатора хозяйства, стремление женщин к самостоятельному, инициативному труду.

Содержание

1	4
2	9
3	16
4	25
Примечания	36

Глеб Иванович Успенский

Крестьянские женщины

1

Существенный недостаток во всех проектах *жить трудами рук своих*, то есть уйти в деревню, существовать земледельческим трудом, положить начало колоний и «поселений из людей интеллигентных», несомненно заключается в совершенном отсутствии каких бы то ни было указаний, касающихся положения интеллигентных *женщин* в этих проектируемых колониях. Обязанности, порядок жизни, пределы труда и нравственные достоинства трудовой жизни для интеллигентных «мужчин», хотя кое-как, но все-таки выяснены в проектах поселений в более или менее удобопонятном виде: за образец будущей трудовой жизни взят образ жизни современного мужика, причем одна из школ, начавших проповедь о необходимости «идти в деревню», проповедует идеал трудовой жизни в смысле самого каторжного труда *наемного работника*, сопряженного со всевозможными тягостями: серые щи, сон на голых досках, лапти, «выворачивание пней» на постройку собственной избы, и непременно с усилиями, от которых трещит спина; хочешь жить «по-народному», так поезжай в лес за дровами в трескучий мороз,

вези дерево на продажу в город в ураган и метель, а уж от насекомых постарайся избавиться своими средствами. Та же участь *поденщины* предлежала и женщине в этой школе каторжного труда. Г-жа Метелицина должна была переобуться из башмаков в сапоги, вязла по колено в навозе, ездила на кляче за водой, а когда кляча упиралась, то она «била клячу по морде». Словом, и для мужчин и для женщин проповедовались все прелести, которые до последней степени изнуряют и самого крестьянина.

Другая школа трудовой жизни очерчивает образ того же мужика в более мягких очертаниях, и как образчик рекомендуется не поденщик, а «земледелец», «пахарь». Поле, соха, а за нею идет пахарь. Достоинство этого пахаря заключается в том, что он добывает хлеб своими трудами, чужого не ест, чужим трудом не пользуется, следовательно, совесть у него покойна, а в этом-то «самая суть» и есть.

Есть и еще школа, руководствующаяся в желании «идти в деревню» уже чисто практическими целями: оградить *свою* впечатлительную душу от зол *городской* цивилизации, устроить *себе угол*, где бы мысль (о будущем, конечно) работала без стеснения и не ощущалось бы необходимости бесплодной борьбы за идею, чего невозможно избежать в городе. Но, чтобы устроить должным образом «угол» буддийского спокойствия и «свободы мирозерцания», рекомендуется такими практическими деятелями обороняться также и в деревне от всяких нарушений буддийского спокойствия –

мужицкого невежества, алчности мужика, неискоренимого в этом мужике стремления обобрать этого барина. Оборонившись от городской цивилизации уединенным углом, огордившись заборами и окопавшись канавами от вторжения деревенского невежества и хищнических инстинктов мужика, практический интеллигент утверждает, что именно тогда-то ему, интеллигенту, живя в деревне, и будет возможность воздействовать на развитие народных масс.

Единственно только те действительные *радетели* о народном благе и совести, которые несут в деревню свои *знания* – врачи, фельдшерицы, учительницы, не рассчитывая на какую бы то ни было личную пользу (чистота совести, буддийское спокойствие, расстройство здоровья от серых шей, как возвращение долга народу и пр.), – единственно только они и делают действительно народное дело, имеющее уже видимые последствия самого хорошего качества. Но в этой среде «несть ни мужеского, ни женского пола» и каждый (всяческая) делает свое дело по мере возможности.

Все же перечисленные выше школы, теории и возникающие на основании их опыты поселений до настоящего времени не свидетельствовали еще ни о каких успехах, и все «учители», «наставники» и «пророки» также не могут указать хотя каких-нибудь ясных последствий своих учений в благоприятном смысле. Расстроивши желудки серыми щами, простудившись во время возки дров или же сшив два сапога «собственными руками», ученики все-таки не могут

ощущать в своем сознании, что они делают доброе дело людям, а не самим себе.

Грех учителей и наставников заключается, прежде всего, в узкости взгляда на строй народной жизни. Если что в ней есть существенно важного для человеческого существа, так это не серые щи, не уединение, не успокоение своей совести «на собственноручном сапоге», а широта размеров трудового обихода жизни, многосложность умственной и физической жизни, возникающая из удовлетворения «своими руками» всех своих потребностей, то есть полнота жизни человеческого существа.

Но брать этот образчик широкой многосложной трудовой жизни, не включая в нее образа крестьянской женщины, труд которой во всех подробностях объединен с трудом ее мужа, мужика (что и делает *семью*), – это дело весьма непохвальное. Предполагается, что интеллигентный *пахарь* будет пахать, интеллигентная крестьянка будет рожать детей и кормить их своею грудью. Определять не для крестьянской и не для интеллигентной, а вообще для женщины такую бессмысленную цель жизни, значит не признавать в ней человека, и действительно, мы видим, что «учители» именуют женщину «черноземом», и даже почему-то иногда находят необходимым, говоря о «женщине», упоминать и о корове. Если же перечислить все, что умом и руками делает в доме крестьянская женщина, то есть все то, что не касается ее черноземного плодородия, так и увидим, что ее жизнь исполнена ве-

личайшей многосложности труда: она не только родит и кормит, но прядет, ткет и шьет платье на всю семью, она же ходит за скотом, стирает, жнет, сеет, косит, носит воду. И сказку рассказывает, и песней убаюкивает, и с песней прядет каждую нитку холста. На сказку, на песню, на пряжу, на ткань нужен ум не коровий, а человеческий, и, следовательно, если брать образчиком трудовой жизни не тяготу, а широту и, так сказать, «поэзию» земледельческого труда и основанного на нем всего строя народной жизни, то невозможно умалчивать о трудовых и нравственных достоинствах крестьянской женщины, достоинствах, дающих ей полную возможность (раз только она, вследствие крайней необходимости, не вынуждена будет уйти из деревни на заработки) во всех отношениях независимого существования. А чтобы наши учителя и наставники, призывающие нас к трудовой жизни, не загоняли женщину, первейшую силу всякой семьи, «в стадо» и вообще относились к ней по-человечески и по-христиански, мы попытаемся в этой заметке собрать (с борку и с сосенки) такие факты, сообщаемые местною печатью и касающиеся текущей действительности крестьянской жизни, в которых достоинства крестьянской женщины сказываются с достаточной ясностью и дают нам, простым смертным, некоторую возможность очистить в нашем сознании образ женщины как человека, затуманенный теориями душеспасительного труда.

2

К величайшему прискорбию (без *прискорбия* не обходится на Руси ни одно хорошее дело), необходимо сказать, что достоинства крестьянской женщины стали очерчиваться в сообщениях местной печати именно только в тех случаях, когда корреспондент местной газеты повествует о *крайнем расстройстве*¹ в земельных, хозяйственных и семейных отношениях крестьян тех местностей, откуда идет его сообщение. Крестьянская женщина, с ее великими трудовыми и нравственными достоинствами, всегда упоминается в такого рода сообщениях как доказательство полнейшей невозможности мужскому населению деревни выполнить, при помощи земледельческого труда, все лежащие на нем обязанности.

¹ Редко, чрезвычайно редко повествует местная печать о деревнях, живущих в довольстве и достатке. Нельзя поэтому не привести сообщения «Смоленского вестника» о крестьянах Дорогобужского уезда, Смоленской губ., где крестьяне почти вовсе не нуждаются в *отхожих промыслах*. Этим более оседлым характером занятий населения Дорогобужского уезда объясняются такие его особенности, как *большой прирост населения, большой численный состав семьи и большее равновесие численных отношений полов, чем в других четырех уездах*. Но ведь это значит, что люди живут здесь дольше, а стало быть, отличаются лучшим здоровьем, что члены семьи теснее связаны между собой (и это дает право заключать о лучшей их нравственности) и что, наконец, *молодой парень всегда имеет возможность найти себе подходящую невесту и почти каждая девушка – выждать жениха*. В общем, здесь столько условий, делающих жизнь нормальнее и счастливее, что уже ради этого одного можно предпочесть те немногие, и притом эфемерные, выгоды, какие доставляют крестьянину «отхожие промыслы».

Бывают случаи, когда в крестьянских семьях не оказывается ни одного мужчины, и, следовательно, нет никакого участия мужской силы в выполнении многосложнейшего труда «в поле и в доме», и однакоже крестьянская женщина, – раз только она, так или иначе, прикосновенна к владению землей, – и в таком, повидимому, беспомощном положении, как мы увидим, может и умеет справиться *единоличным* трудом.

«Три крестьянина Юхновского уезда, Федотовской волости, дер. Морозова, Лаврентий Яковлев, Андрей Никитин и Епифан Ефимов, в числе девяти наличных душ мужского пола и семи женского, в 86 г. купили (товариществом) в смоленск<ом> крестьянск<ом> позем<ельном> банке землю. В 86 г. умер Епифан, а в 87 г. отправились за ним и Андрей и Лаврентий, и таким образом товарищество, в своих главных представителях, вымерло. Наследники же их, мужчины, *все ушли* на заработки в Петербург. *Остались одни женщины; они распорядились хозяйством, собирали следуемые банку платежи и отсылали их в смоленское отделение Крестьянского банка.* Недавно отделением присланы в Федотовское волостное правление только что вышедшие правила о крестьянских товариществах, в силу которых каждое товарищество должно избрать из своей среды выборного, иметь книгу приговоров своих сходов и товарищескую печать. Федотовский старшина теперь в большом затруднении, как поступить с Морозовским товариществом. Старики вымерли, молодежь ушла на сторону, остались, говорит, одни бабы.

«— Что ж, бабы, что ли, будут выбирать бабу же выборным? Пошлю, говорит, в отделение, чтобы разъяснили, как в данном случае поступить, то есть в составлении приговора об избрании *бабы выборным!*»²

То обстоятельство, что женщина может вести единолично (распоряжаться) хозяйство, это дело обычное, если только на ее долю выпадет случай быть родоначальницей многочисленной семьи. Образы таких *домохозяйек*, несомненно возвышающие в нашем сознании образ женщины вообще, изображены, между прочим, в «Деревенских письмах» г. М. З.³ В письме десятом автор рассказывает о лично ему известных домохозяйках, самостоятельно заправлявших обширными хозяйствами за смертью своих *большаков*. Хозяйства эти, управляемые женщинами-домохозяйками, бывали иногда до того обширны, что из заимки, которую населяла одна семья, со смертью двух *женщин-большаков*, образовалась целая деревня и быстро разрасталась в селение, утратив, конечно, принцип общего хозяйства. Таким *большаком* после смерти *стариков* пришлось быть, между прочим, и одной девушке.

В сороковых годах в зажиточной семье У-вых умерли в молодых летах два родных брата, из которых один был *большак*. От одного остались жена и дочь, от другого два малолетних сына и три дочери. Вдова, имевшая только дочь,

² «Смоленский вестник», 1889 г., № 133.

³ Печатались в 1888 году в «Восточном обозрении».

ушла в монастырь; вдова другого брата скоро умерла, и надо всеми шестью сиротами осталась *большухой девишка*, сестра покойных братьев. «Хозяйство было большое, до двадцати дес<ятин> посевов и соответственное количество скота. Но девишка, Василиса Андреевна, не потерялась. Работая смолоду, она не хуже знала всю крестьянскую работу и продолжала вести хозяйство в прежних размерах; в помощь ей были старые работники. Вставая с петухами, она успевала все состряпать, подоить коров и на рассвете вместе с работниками отправлялась в поле и в огороде работала. Кроме крестьянских, земледельческих работ, она обшивала всю семью: ткала холсты, сукна и кушаки, валяла валенки, шила шубы, поддевки, только что не плотничала». Кроме всего, она воспитывала и ходила за всеми детьми и по целым ночам сидела над ребенком, если он хворал. К знахаркам она не обращалась, а имела всегда лекарства. Вырастила внуков и внучек, поженила их и замуж отдала, и внучат взрослых уже видела, но в 86 году умер ее старший племянник, 48 лет, на котором уже лежали заботы состарившейся Василисы Андреевны, и она сама «рухнула». Семья перед разделом состояла из 21 человека.

Способность быть «домохозяйкой», то есть держать на своих плечах весь обиход семейной и хозяйственной жизни, не иссякла в крестьянской деревне и в наши дни.

«Акулина из деревни Сергейкова, – пишет «Сельский

обыватель»⁴, – женщина трудолюбивая, но судьбой обиженная. Более 10 лет она, как лошадь, работает на детей своих и на мужа-пьяницу. Сначала по людям ходила, потом села на надельную землю в деревне. Кое-как отстроилась, сама пашет, сама косит, а с прошлой весны начала и сама сеять. Обсевал поля в прежнее время муж ее, Алексей, но сеятель этот каждое лето уносил с поля часть семян в кабак, отчего всходы были редкие и ужин хлеба получался плохой. Отсыпка семян на пропой производилась Алексеем вкупе с соседями своими, тайно от баб своих тоже пропивавшими семена. Акулина доглядела, узнала, куда сила уходит с нивки ее, и решила сама взять в руки севалку. К удивлению соседей, первый посев ее вышел удачным, хлеб уродился хорошо. обстоятельство это было не по душе соседям, пропой семян стал обнаруживаться, бабы стали нападать на мужиков, указывая им на Акулинину нивку с добрым всходом овса и ячменя.

– От этой бабы все беспорядки в деревне! – говорили мужики, собравшись на улице, чтобы потолковать, когда начинать сеять рожь.

На сходку, по обыкновению, пришла и Акулина.

– Вот что, Акулина, мы скажем тебе: сеять на поле мы тебя не пустим, потому нет от нас на это согласия, – заговорил Максим.

– А по какой-такой причине вы меня не пустите? Ведь я,

⁴ «Смоленский вестник», № 32.

кажется, на свою ниву пойду, – ответила она.

– А потому не пустим, что закону нет, чтобы баба сеяла; от этого может случиться, что все мы без хлеба останемся, потому команда ваша дома должна сидеть, а не сеять, истари так заведено. Вишь ты, порядки новые заводить не позволим!

– Погляжу, как вы мне не позволите. На это есть суд и управа.

– Вот что, ребята, ну ее к лешему; пусть сеет, а только должна она поставить нам за дозволение четверть водки, – вмешался в разговор Мартын.

– Что правда, то правда, – ответили мужики.

– Значит, за водку можно сеять, а без водки нельзя? Бесстыжие глаза у вас; суму хотите отнять у нищего. Не дам вам водки, а если станете приставать, в волость пойду, по чистой правде все там распишу, – закричала Акулина.

На третий день после этого случая Акулина вместе с соседями своими разбрасывала на поле семена. Угрюмо и искоса поглядывали мужики на этого оригинального севца.

Так вот какова эта баба Акулина. Много горя и нужды перенесла она; но ребятишки ее уже стали подрастать; четыре белоголовых мальчика выглядят здоровяками; старшему из них уже исполнилось тринадцать лет; а тут, к удивлению всей деревни, муж ее, Алексей, целый месяц водки не пил и купил куль ржи; за двенадцать лет своей семейной жизни в первый раз подумал о дворе своем и, *повидимому*, не на

шутку принялся за работу».

Этих двух примеров весьма достаточно, чтобы видеть полную возможность для крестьянской женщины жить на земле трудами рук своих и руководить обширным семейным хозяйством. Но этими, собственно трудовыми качествами далеко не исчерпываются достоинства, свойственные женщине трудовой, крестьянской среды. Не о едином хлебе хлопот деревенская женщина; независимость, возможность прожить на свете без кабалы, не только обязательной в труде «по найму», но даже и кабалы «мужа», нередко считающего свою жену за рабочую скотину и не видящего в ней ничего человеческого, также служат несомненным основанием стремления не отрываться «от земли», от крестьянства и земледельческого труда.

3

Во время поездки прошлым (88 г.) летом в поселки вятичей, переселившихся в Уфимскую губернию, *впервые* пришлось познать это стремление крестьянской женщины своим умением в труде оборонить свою независимость. Пять новых поселков, возникших в недалеком друг от друга расстоянии и, главное, населенных переселенцами, вышедшими почти из одной и той же местности Вятской губернии, невольно возбудили желание узнать, каким образом распределилась общественная земля, оставшаяся после ухода такого значительного количества односельчан? Отвечал на этот вопрос один из вятичей, который весной прошлого года был по своим личным делам на старых местах, видел своими глазами все перемены, которые там произошли после ухода односельчан на новые места, и однакож, когда ему сделан был вопрос о переделе оставшейся земли, очевидец порядков на старых местах призадумался, даже плечами пожал и ответил с легкой улыбкой недоумения:

– Если бы по мужицким душам считать, так оно и можно бы расчесть, по сколько на душу пришлось... А теперь не знаешь, как и сообразить, – *стали, вишь, баб в души засчитывать!*

Легкая улыбка, с которою ответил очевидец на заданный ему вопрос, передалась и тем поселенцам, которые присут-

ствовали при разговоре. О какой-нибудь насмешке насчет «баб» нельзя было и думать, глядя на эти улыбающиеся и в то же время недоумевающие лица; напротив, казалось, что «новость», принесенная очевидцем, не противоречила их воззрению на трудовые способности «бабы», и только простое и скорое осуществление бабьих талантов «на деле» могло вызвать на лицах крестьян ту улыбку, в которой гораздо больше сказывалось «удовольствие», нежели неожиданность.

– Так что же? – с полной уверенностью в возможности таких фактов присовокупил один из участвовавших в разговоре переселенцев. – Вон и у нас Авдотья Кострякова овдовела, а души-то мужнины держит все, никому не сдает полвершка.

– Второй год «держит» землю-то на две души! – пояснил еще кто-то из собеседников, относясь, повидимому, к этому поступку Авдотьи с большим уважением.

Маленькое вторжение шутливого элемента (намек на ухаживание за Авдотьей какого-то парня) в разговоре о важном деле в конце концов не повредило значению сущности нового явления.

– Как же, дождайся! – пояснил другой из собеседников. – Это *он* к Авдотье-то в мужья норовит, а не она! Наш же он парень, да беден, земли нечем взять. «Кабы повенчаться, так тогда, говорит, пожалуй, кроме Авдотьиной земли, еще бы на душу взял». Ну, а Авдотья-то не очень сдается.

– «Церковь, говорит, очень далеко!» – вновь подшутил

тот же шутник. – «Ежели бы церковь была поближе, так я б давно повенчалась с Кузьмой!»

– Конечно, мало ли что болтают, – не обращая на шутки никакого внимания, проговорил, повидимому обстоятельный, крестьянин. – А ежели разобрать дело, так у Авдотьи-то и свой сын через три-четыре годика погляди-кось какой работник будет. Держит она Кузьму действительно наравне, как свой человек, а из хозяек не желает в мужние-то жены идти. «Пускай, говорит, хоть моя шеюшка-то после покойничка отойдет». Вот и бережется... «Поживу-ка, говорит, пока что *без хозяина!*»

В другой раз то же предпочтение крестьянской женщиной быть «хозяйкой», жить «без хозяина», подтвердилось при следующих обстоятельствах.

Поезд Николаевской дороги остановился на какой-то станции, где остановка пять минут и где есть буфетец. Дело было летнее, все пассажиры высыпали на маленькую платформу. Шум и громкие, поспешные требования сельтерской, пива, водки и беспрестанное хлопанье пробок не заглушили, однако, жалобного плача какой-то женщины, около которой уже собралась публика. Кто-то из крестьян, очевидно уже знававших горе этой женщины (одета она была совершенно по-петербургски – шляпка, дипломат, зонтик), объяснял любопытным и соболезнующим зрителям причину слез плачущей женщины таким образом:

– У нее муж помер... Осталось трое детей... Только было

стала хорошее жалование получать, стали поправляться, а вот бог-то его и прибрал!

– Как не заплакать! Теперь все сама делай!

– Сестра, вишь, есть мужнина, – продолжал знакомый с положением несчастной женщины, – ну, у «вдвох» как никак...

– Куда ж женщинам справить все по хозяйству!

Какая-то искренно сочувствовавшая горю вдовы петербургская барыня, понимая до некоторой степени предстоящую несчастной женщине трудную, изнурительную жизнь, с непритворным состраданием в голосе сказала ей:

– Каково это прокормить одной троих детей!

Ко всеобщему удивлению, после этих сочувственнейших слов петербургской барыни петербургская горничная и крестьянская вдова на мгновение сдержала свои слезы и, смахнув их платком с заплаканных глаз, довольно твердым голосом произнесла, обращаясь к барыне:

– А нешто легче жить в прислугах-то?

Ясное, даже острое выражение в глазах ее упрека за подневольную жизнь в «прислугах», также не знающую ни днем, ни ночью покоя, сказалось в упорном взгляде ее, который она вперила в глаза сочувствовавшей ей даме, и всем зрителям и любопытствовавшим стало понятно, что труды «прислуги» и труды «хозяйки» не одно и то же и что плачущая женщина ободрилась от одной мысли, что она будет трудиться «на себя», а не *на хозяина* и не *по найму*.

Но наиболее несомненным доказательством того важного обстоятельства, что земля нужна крестьянской женщине не для единого хлеба, а и для обороны⁵ своего человеческого достоинства от погибели, неизбежной при необходимости бросить деревню и идти на заработки, может служить нижеследующее извлечение из статьи г. Рева, напечатанной в «Юридическом вестнике»⁶, касающейся опять-таки *расстройства в земельных порядках* и в данном случае выясняющей вопрос *о поземельных отношениях крестьян*, владеющих землею не на общинном начале, а подворно.

Земельные отношения, о которых идет речь, определены автором как *земельное сутяжничество* и отмечены как народное *движение*, резко обнаружившееся в последнее время. Причина возникновения и роста этого движения совершенно ясна. «С одной стороны, народонаселение деревень быстро увеличивается, а с другой – земли в его распоряжении остается столько же, сколько было дано ему в момент освобождения от крепостной зависимости. Влияние Крестьянского банка и частных земельных покупок, в смысле уменьшения земельно-деревенских распрей, совершенно не заметно. Обстоятельства складываются обыкновенно так, что при помощи банка, а тем более путем частных покупок, земля достается в руки тех крестьян, которые в ней наименее

⁵ Такого рода обороны женской самостоятельности мы имели уже случай коснуться в путевых заметках («По Шексне»).

⁶ Май 89 г.

нуждаются, достается в руки деревенских «богачей», людей и без того в земельном отношении довольно обеспеченных; *деревенская же беднота принуждена довольствоваться кусочками «наделов»*. И вот теперь, спустя двадцать восемь лет после освобождения, нужда *среди массы крестьян в земле* сделалась уже настолько очевидною, что, при сохранении прежних условий обработки почвы, явилась *необходимость погони за земельными участками*, необходимость *оттягиванья* таких участков у родственников путем суда. «Сутяжничество» растет, и этот рост, способствуя развитию в селах *между крестьянами взаимного озлобления, доходящего очень часто до кровавых столкновений*, в то же, время благодаря причинам, *указанным ниже*, грозит созданием такой земельной путаницы, которую потом едва ли удастся скоро и благополучно расхлебать»⁷.

Определив весьма точно причины «сутяжничества» из-за земли и указав на перспективы грозных его последствий, автор выбирает более чем из трехсот решенных одним только л-ским волостным судом (дело происходит в какой-то из южнорусских губерний) не менее двадцати пяти исков, предъявленных волостному суду о правах на наследственную землю и заслуживающих особенного внимания как «образцы», в которых наиболее ярким образом отразилась, во-первых, неопределенность взглядов суда при решении исков и, главным образом, сутяжническая этих исков особенность. Но, к

⁷ Стр. 99–100.

величайшему нашему удивлению, во всех этих двадцати пяти образчиках *сутяжничества* и суда, путающегося в своих решениях, только в пяти случаях являются истцами действительно крестьяне, то есть *мужики*, все же остальные двадцать дел по двадцати искам предъявляются *исключительно женщинами-крестьянками*. Фактов, которые бы доказали *озлобление крестьян* между собою, нет в этих исках *ни одного*. Да и в тех пяти исках, в которых фигурируют *крестьяне*, два из них возникли по жалобам двух опекунов над малолетними сиротами, – следовательно, не из личных расчетов; один возник по жалобе *на опекунов*, а два последних были предъявлены двумя братьями к дяде и предъявлены по сущей справедливости: «Иван и Никита Голяки жаловались на своего дядю, Федора Голяка. Оказалось, что дед их, владевший при жизни земельным участком по уставной грамоте, умер двенадцать лет тому назад, и тогда же умер и их отец, а они сами никакого участия в делах семьи не принимали. Суд удовлетворил их претензии и выделил им половину Федоровой земли». Дело совершенно справедливое, но, повторяем, вместе с предыдущими четырьмя, исчерпывает решительно *все иски, начатые крестьянами*, то есть мужиками. В остальных же двадцати – *крестьянка* первое слово каждого иска наследственной земли.

«*Крестьянка* д. Нападовки, Федосья Дергачева, жаловалась на своего дядю Петра Дергача, требуя от него части владеемой им земли...»

«Крестьянка города Липовца, Евдокия Загородная, жалуется на своего свекра, который, после смерти ее мужа, не дает снохе и двум внучатам (дев. 10 и сын 1 г.) *ни поля, ни пахотной земли...*»

«Крестьянка д. Нападкова, Марья Калашникова, жаловалась на своего свекра и требовала земли *не для себя, а для своих двух дочерей, оставшихся после смерти ее мужа*». Словом, все страницы статьи г. Рева пестреют словом – *крестьянка, крестьянка, крестьянка*, и непосредственно за ними следует: *земля, наследственная земля, участок земли* и т. д. Все это дает весьма существенное основание для того, чтобы видеть, какое важное значение в жизни крестьянской женщины имеет земля. Во всех исках крестьянок только два или три раза решение суда окончилось денежным вознаграждением истицы, но и причины такого решения очевидны: у свекра, с которым начата была одна из тяжб женой его сына, у самого было еще девять человек детей. Суд отказал в земле и присудил «на сирот» двадцать рублей со свекра. Совершенно справедливо удовлетворен судом и иск *солдатки* м. Россоша, Акулины Ходаковой, также на ее свекра *по первому мужу*, крестьянина Дмитрия Шумника. «Жалобщица объяснила, что она была замужем за сыном Шумника, Захарием, с которым прижила дочь Анну, и затем Захарий умер, а она вновь вышла замуж за солдата Ходака. Так как у Шумника, кроме Захария, других детей нет, то она просит признать ее дочь *участницею в пользовании земельным наделе*

лом свекра. Ответчик не пожелал признать при своей жизни внучку «участницей», говоря, что сам желает пользоваться своею землей. Суд постановил: «основываясь на том обстоятельстве, что за смертью Захария Шумника, умершего тому восемь лет, осталась дочь его Анна, и что грунтовладелец, дед Анны, Дмитрий Шумник, не принимает ее участницей в пользовании половинной части земельного надела», суд признал Анну *участницей и удовлетворил просьбу ее матери*»⁸.

⁸ Стр. 110.

Теми же особенными и свойственными исключительно крестьянской женщине качествами, то есть возможностью для нее независимого существования и возможностью выполнять свои не только материнские, но и *общественные* обязанности, несмотря даже на невозможность иметь законного мужа, мы объясняем себе и те прискорбные для нас, простых смертных, *своевольства* крестьянской молодежи обоего пола, которые определяются как «переживания» коммунального брака и гетеризма и понимаются простыми смертными в смысле как бы первобытного канкана. Не говоря о полуязыческих инородцах (чуваши, черемисы, мордва), даже у истинных христиан, каковыми почитают себя раскольники, до того момента, когда образуется, *наконец, семья*, молодежь обоего пола несомненно проявляет все признаки переживания первобытного своевольства.

По свидетельству Н. М. Ядринцева, первобытное своевольство молодежи в алтайских раскольничьих обществах, определяемое выражением «птичий грех», «переживается» молодежью до брака с полнейшей свободой и без всякого стеснения со стороны родителей. Г. Краснов⁹ также удостоверяет об этом своевольстве не только в добрачных, но и в

⁹ Кн<ижки> «Недели», 90 г., № 1.

брачных отношениях обоих полов алтайских раскольников, причем оба писателя утверждают, что, несмотря на это своеволие, нигде по всей русской земле нельзя найти такого всестороннего крестьянского хозяйственного благосостояния, как именно в этих своевольных раскольничьих общинах.

Но Алтай все-таки место более или менее дикое, и немудрено, что в нем не могло быть особенной надобности в препятствиях переживанию первобытного своеволия. Но что сказать о раскольниках поволжских, живущих не в дебрях, а среди условий жизни, уже тронутых высшею культурой, если и они решительно ничем не отличаются от алтайских своевольников? По свидетельству знатока раскола П. И. Мельникова, сожительство федосеевцев и других беспоповцев, не имеющих освященных браков, крепко и неразрывно. Но «до тех пор, пока не сойдутся в сожительстве, и молодые люди и молодые девушки грешат; но как скоро сошлись, поселились в одном доме, стали жить как муж с женою, этого рода грехи навсегда прекращаются». Один из расколуучителей и основателей того же федосеевского согласия, Иван Алексеев, находивший необходимым освящение брака (то есть *сожительства*) родительским благословением, чтобы в нем были «крепость и честь», изображает добрачные отношения девушек и парней, то есть то, что у П. И. Мельникова определено словом *грешат*, – в подробностях совершенно непривлекательных: «сыновья их (федосеевцев) и дщери их юнии са-

ми досматривают юноши дев, а девы юношей, и сватовство свое или по ночью темным, или по гумнам, или по лесам, по посиделкам, без благословения отца-матери и без всякого гражданского чина и обычая, сами собою, убегом и, помешкавши или в лесе, или где в отъезде, в свой дом аки новобрачные приезжают».

Этих двух несоединимых свойств в одном и том же человеческом существе – коммунального и законного брака, добрачного «гетеризма» и крепости и прочности семейного союза, однако, еще недостаточно для того, чтобы простой смертный был окончательно сбит с толку в понимании нравственных принципов нашего крестьянства обоего пола, и в особенности крестьянских женщин. Что может подумать простой смертный, если я сообщу ему, что все вышеприведенные цитаты о добрачном поведении юношей и дев заимствованы нами из статьи г. Савельева: «Браки по благословению родителей»¹⁰, в которой приведено множество решений волостного суда по делам, касающимся того же своевольства уже не дев и юношей, с *мужей и жен, считающихся в браке*, то есть после того, как окончился «гетеризм» и установилась «семья»?

Своевольство в юности, крепость и твердость в браке, и в том же браке опять своевольство, то есть обоюдное, без всякого стеснения, проявление желания расторгнуть брачные отношения, – как объяснить всю эту путаницу взаим-

¹⁰ «Волжск<ий> вестн<ик>» 89 г., № 89.

ных отношений мужчин и женщин? В 1871 году хохловский волостной суд присудил *жену* к аресту за то, что она ушла от мужа и не возвращается к нему без уважительной причины. Но жена не только не согласилась на возвращение, *но еще бросила в лицо судей повойником*. Одна крестьянка, только что вышедшая в минувшем мясоде (71 г.) замуж по родительскому благословию, почему-то была отвезена своим мужем обратно к ее родителям; отец отринутой дочери предъявил иск о возвращении ее имущества, а муж в то же время изъявил, желание, чтобы жена его возвратилась к нему. Но жена не согласилась и заявила суду, что она *не венчана*, и суд решил возвратить жене ее имущество. Заявление жены, что она *не венчана*, было для нее только средством расторгнуть брак, так как если бы она не оборонилась этим указанием на брак церковный, то волостной суд не допустил бы расторжения брака, так как брак «по родственному благословию» почитается волостным судом, состоящим из православных, так же нерасторжимым, как и церковный. «Решения волостных судов, – читаем мы в статье г. Савельева, – по поводу этих браков по родственному благословию возникают обыкновенно по жалобе обеих сторон, *чаще женщин*, на притеснения одною стороною другою или по просьбам о востребовании имущества, когда одна сторона, вследствие той или другой причины, *не желает* продолжать сожительства. Из некоторых решений волостных судов можно заключить, что крестьяне придают этим бракам такое же

значение, как и церковным, и за самовольное расторжение их подвергают виновных наказанию, а иногда и вовсе отказывают в расторжении».

«Бывают даже случаи, когда судьи с большим упорством проводят свои воззрения о законности браков «по благословению родителей». Сюда относятся решения дроздовского волостного суда от 1875 года. Муж жаловался на жену за нежелание жить с ним, и волостной суд определил *арестовать жену на семь дней* и потом водворить к мужу. В волостном суде Хвостиковской волости, наоборот, дело разбиралось по жалобе мужа на жену за то, что она ушла от него и не желает возвращаться, вследствие чего просил развода (д. 1874 г.). Ответчица заявила, что она ему – не жена, а «жила в работницах», на что муж возражал, что он «женится по родительскому благословению и взаимному согласию», вследствие чего волостной суд решил *в иске отказать* и предоставить хлопотать о разводе в подлежащих местах. Здесь судьи, находя себя некомпетентными в расторжении брака, тем не менее самый брак признали за действительный».

Статья г. Савельева состоит из двух больших фельетонов и переполнена множеством исков обеих сторон, «по каким-либо причинам не желающих продолжать сожительства». Самое уважение, проявляемое судом к раскольничьим бракам и бракам по родительскому благословению, ничуть не меньшее уважения и почитания брака церковного, само по себе свидетельствует о том, что судьи имели уже опыт в

решении таких же исков и среди православных крестьян.

Кроме этого предположения, я, по личному опыту, могу свидетельствовать, что в волостных судах просьбы «законных» крестьянских жен об отдельном виде на жительство явление весьма нередкое. По личному опыту, даже и в такой совершенно уже православной среде, как крестьянское население Новгородской губ<ернии>, и то уход жены от мужа, иногда без всяких разрешений, практикуется довольно часто. В зиму 1888 года в той деревеньке, где я по временам бываю, было только две свадьбы (ожидали *восемь!*), причем мужья были пришлые из других соседних деревень, и обе увезенные в чужие семьи девушки после двух-трех месяцев замужества возвратились к своим родителям, и никакими силами их не могут вернуть к мужьям. У каждой из них по ребенку, но и это не способствует к семейной жизни в подчиненном положении семьям мужей.

Итак, опять-таки своеволие в добрачной юности и, несмотря «на крепость» брачного сожителства, своеволие и в этом, якобы «крепком», браке. Есть ли какое-нибудь соотношение, какая-нибудь связь между добрачным и послебрачным своеволием? Окончился ли гетеризм, или продолжается даже и после брака? И на чем основано своеволие, смелость уходить от мужа, унося с собой ребенка, а иногда и не одного, и почему крестьянская жена крестится на церковь, радуясь, что в «волостном» ей дали отдельную бумагу?

Все эти недоразумения будут для нас понятны, если мы, так сказать, собственными глазами рассмотрим «своевольство молодежи» в его реальном, действительном проявлении и своими глазами увидим также реальные, действительные основания к этому своевольству.

«Во всем Нарымском крае¹¹ весною, когда снег начнет таять и в полях покажется вода, вокруг почти каждого селения устраиваются несколько винокурен или балаганов из ветвей, иногда крытых соломой, где почти все хозяйки приготавливают для себя вино (самосидка). Туда свозится несколько кадочек и бочек для затора вина, там его затирают, там и гонят. Затерев два пуда, может быть, последней в доме муки, хозяйка проводит в этом балагане по крайней мере три дня и три ночи.

Спать ей, бедной, тут некогда, да притом, откровенно сказать, несмотря на холод, на ветер и прочие неудобства, каждая хозяйка считает это время самым счастливейшим во всем году. Тут к ней приходят соседки и знакомые с пряжами и проводят с ней иногда целый день. Из дома ей приносят дочери чай, сахар, разные печенья. Тут угощает она подруг своих чаем, угощает их вином, еще горячим, и всегда ложкою, а не рюмкою, затем, что вино надобно пробовать часто, чтоб не сделать его уж очень слабым, а поэтому каждая из подруг и сама хозяйка часто пробуют его ложечкой. От этого про-

¹¹ «Записки Зап<адно> Сиб<ирского> Отдела имп<ераторского> Геогр<афического> Общ<ества>: «Крестьяне Нарымского края», ст<атья> Григоровского.

бования и хозяйка и подруги всегда навеселе, а другие уже бывают и чересчур веселы. Рассказы, прибаутки, смех почти не прерываются целый день. Перед вечером сюда приходит с работы муж винокурки; он в это время поблизости рубит дрова и всегда «с устатку» заходит сюда выпить горячего, с ним иногда приходит сосед или приятель, и тому тоже подается водка. Настает ночь, и тогда к винокурке приходит на помощь ее дочь с своими подругами-девушками, чтобы дать матери немножко соснуть и посидеть вместо нее около вина. Они приносят с собою из дома ужин. Затем после ужина сюда собираются молодые ребята поиграть с девками; им тоже подается по чарке. Начинаются веселые разговоры, шутки, прибаутки, деревенские остроты. Хозяйка, утомленная долгою бессонницей, прикурнет где-нибудь в балагане и спит богатырским сном. Ребята начинают заигрывать с девками, огонек курится и освещает очень мало пространства. И что тут делается, только знает темная ночь да сами действующие лица. Действительно, такие таинственные ночи довольно заманчивы для воображения деревенской молодежи, и каждая хозяйка донельзя любит их, по воспоминанию о своем прошлом, как и она проводила некогда подобные ночи на винокурне, а потому я и сказал, что каждая хозяйка почитает это время самым счастливейшим».

То, что автор скрыл в неопределенном выражении – *«что тут делается, знает только темная ночь да еще сами действующие лица»*, очевидно, означает не что иное, как неми-

нуемое «переживание гетеризма по установленному типу». Но почему же состарившейся женщине, к которой в шалаш приходят взрослые уже дочери, нет в жизни лучшего воспоминания, как эти тайны темных ночей? И почему для этих молодых девушек также останутся *наилучшими* воспоминаниями те же *темные ночи* и то, что во время их делается молодежью?

Ответ мы находим именно тот, который всего понятнее и приятнее простому смертному: та самая девушка, которая, сделавшись старухой, будет вспоминать девичьи годы и темные ночи, – в 15 лет, то есть именно в те годы, когда она впервые начинает переживать впечатление этих ночей, *уже входит во всю хозяйскую и домашнюю работу*. Она уже умеет отлично плавать на лодке, умеет жать, косить, метать сено, боронить и даже неводить рыбу; умеет, конечно, и коров подоить, и прясть, шьет рубахи, платья, вяжет чулки. Умеет разными травами красить белую пряденую шерсть, умеет найти эти травы и соткать из этой пряжи для себя юбку с разными цветными клетками. Мало того, сделавшись женой и приняв на свои плечи *весь хозяйственный труд*, в *буквальном смысле*¹², она до старости сохраняет такую силу жизненно-

¹² Мужик Нарымского края ленив и всячески старается увильнуть от трудов в доме и в поле. Чем ходить за сохой да за землею, ему лучшим кажется ходить целый день по лесу, положив на плечо ружье, покуривая трубку, посвистывая да поглядывая по сторонам. Попал зверек – убил, а нет, так и не надо – завтра попадет. Или целый день лежит на берегу реки, в балагане, ест до отвала лучшую рыбу и посмотрит два-три раза ловушку. Чего же лучше? Любо ему такое дело,

сти, что находит возможным нести этот труд, не теряя веселого настроения духа. Как только утром проводят мужиков на промысел, тотчас являются соседки с прядками *на посиденки*. Тут пойдет угощение чаем, разговоры, и так продолжается, пока вернутся мужики. Иногда, накормив поскорей мужиков, женщины уходят на новую посиденку, где непременно тоже идет угощение. В рабочую пору посиденки идут с перерывами, а зимой по два раза в день; без посиденок женщину томит тоска, клонит сон, а на посиденках и не дремлет и работа идет скорее.

Все это делает и пятнадцатилетняя девушка, и, следовательно, именно в эти юные годы она так многосторонне обронуна в свободе и самостоятельности своего существования, что ее ничего не стесняет в самых бескорыстных и ис-

потому что нет за него ни пред кем отчета; старики не могут спросить: отчего не добыл зверя? Здесь не на пашне, работа не видная, не то что поехал бы за сеном да не привез его. Если же этот промышленник-зверолов, поставив свои клепцы и черканы, добыл десяток-другой белок, с десяток колонков, какую-нибудь лисицу, то уж все семейные считают его настоящим промышленником. Тогда он для дома уже ни за что не нарубит дров, не съездит за сеном, не станет пахать и убегаёт от всякой домашней работы, под предлогом, что вот тут-то видел зверя (стр. 9). А когда он доживет до сорока лет, так уж окончательно прекращает всякие работы, считая себя стариком, так как дети его женаты и замуж выданы. И вот он начинает жить исключительно в свое удовольствие. Любит он лежать и валяться на перине, которая непременная принадлежность каждого дома и каждого из живущих в нем счастливых: птичьего пуху тьма! Перины созидают огромнейшие, и вот труженик сорокалетний начинает отдыхать от трудов праведных, любит он на этой перине вдоволь выспаться со своею старухой, которая также полагает, что она *старуха* (то ли дело, когда она была молода!), и родит, во время отдохновения, иногда до пяти детей (стр. 15).

кренних проявлениях чувства к своему ровеснику-парню, ее будущему мужу.

Вот эта-то возможность жить на белом свете без всякой опеки и попечения и объясняет нам право крестьянской женщины уйти от тирана-мужа, взяв на обе руки по ребенку, объясняет все эти разводы и требования отдельного вида и вообще объясняет стремление не покоряться произволу, не заглушать голоса своей совести, и все потому, что есть *золотые руки*, которые всё могут сделать и от всего оборонить.

Примечания

Печатается по изданию: Сочинения Глеба Успенского. Том третий. СПб., 1891.

Формируя корпус третьего тома своих сочинений, Успенский образовал новый цикл под названием «Мельком», снабдив его подзаголовком: «Заметки о текущей народной жизни». В этот цикл вошло семь произведений: «Деревенские раскольники», «Крестьянские женщины», «Ответчики», «Извозчик», «Новые народные стишки», «Деревенские корреспонденты и публицисты» и «Неудачные покупки земель».

Редакция настоящего издания, рассчитанного на широкие круги советских читателей, сочла возможным выбрать четыре из семи произведений цикла, опустив такие статьи, как «Деревенские раскольники», «Деревенские корреспонденты и публицисты» и «Неудачные покупки земель», не представляющие, по ее мнению, должного интереса для собрания избранных произведений писателя.

Крестьянские женщины

Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1890, № 4, с подзаголовком «Из текущей народной жизни». Вклю-

чено в третий том сочинений Успенского.

Статья Успенского содержит критику народнических теорий о «сближении с народом», проектов «жить трудами рук своих», для чего интеллигенту надлежало «опроститься» и принять образ жизни крестьянина. Во всех этих надуманных «теориях» женщине отводилась только роль матери, которая должна рожать и кормить детей. Успенский требует прежде всего отношения к женщине как к человеку и рядом примеров, почерпнутых из печати и из личных наблюдений, показывает, насколько значительна роль женщины в крестьянском быту, раскрывает большие возможности женщины как умного работника и организатора хозяйства, стремление женщин к самостоятельному, инициативному труду.